

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

Пока перо торопится в руке...

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ ВАЛЕНТИНА ОВЕЧКИНА

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА ЛЕОНИДА ГРИГОРЬЯНА

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ ДЕНИСА ГУЦКО

12 +

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2019

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ ИЗ СВОБОДНОГО ДОСТУПА
СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

ОТ РЕДАКЦИИ

Днём рождения Валентина Овечкина
в справочной литературе
указывалось обычно 22 июня 1904 года.

И Ростовская областная специальная
библиотека для слепых –
при планировании выпуска
сборника «Пока перо торопится в руке...» –
также ориентировалась на эту дату.

Но недавно выяснилось,
что информация ошибочна:
Овечкин родился в 1906 году.

Так как сборник уже запущен в печать,
то Библиотека просто данный факт констатирует
и обращает внимание читателей
на существующую неточность.

*Пока перо торопится в руке,
Легчайшей, не замученной до хруста,
И всё первоначально, всё искусство
Или хотя бы с ним накоротке.*

Леонид Григорьян

СОДЕРЖАНИЕ:

Первоначально – толстые журналы.....6

Факт поворотного значения.....13

Латынь с отроческого возраста.....32

Второе рождение.....55

Встречающиеся в тексте понятия и термины
поясняются в словаре в конце книги.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО – ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ

В 1979 году, к двадцатипятилетию освоения целинных земель, проходила Всесоюзная творческая конференция. И, как образцы творчества, представлялись два произведения.

Первое – очерк «Целина» самого Леонида Брежнева, второе – цикл очерков «Районные будни» Валентина Овечкина.

А через десять лет руководитель Московского театра имени Марии Ермоловой Александр Буравский написал – по мотивам «Районных будней» – пьесу «Говори...».

Режиссёр Валерий Фокин поставил.

В ролях – Алексей Жарков, Татьяна Догилева, Олег Меньшиков.

- Аскетичный, но предельно выверенный режиссёрски спектакль стал одним из тех, с которыми на сцену театра пришли перестройка и гласность, - писали в СМИ.

«Говори...» даже называли визитной карточкой перестройки.

Любопытно, что и генеральный публицист Брежнев, и простой публицист Овечкин служили в годы войны в политорганах разных армий под прямым руководством члена Военного Совета Южного фронта, первого секретаря Курского обкома, генерал-майора Павла Ивановича Доронина.

В жизни Овечкина, возможно, именно это обстоятельство стало судьбоносным.

Валентина Владимировича Овечкина считали человеком неугомонным, но сконцентрированным и погружённым в себя.

А он – утверждал пером своим – в любой форме, на бумаге ли, на творческой встрече, или на партийном форуме:

- Самое страшное в человеке – двурушничество. С того дня, как его заставили первый раз, затаив в душе одно, сказать совсем другое, с этого дня начинается падение этого человека.

С двурушничества начинается всё: подлость, склонность к вероломству, предательству.

Это – гибель человеческой души. Это страшная ошибка, когда начальнику больше нравится покорный двурушник, нежели строптивый вольнодумец.

Он не засиделся в кабинете руководителя: профессиональная литературная деятельность началась с должности разъездного корреспондента газеты Юга России.

Псевдонимы – Буревой, Валентин Буревой, В. Савельев.

Валентин Владимирович был членом редколлегии «Литературной газеты», журналов «Новый мир», «Простор» и «Подъём». Немало времени отдавал работе с начинающими литераторами.

А когда-то талант донского автора оценил Александр Твардовский. И предоставил страницы легендарного «Нового мира» – этот журнал в 60-е называли «*вершиной общественного значения*».

И зелёный свет рифме одного из донских поэтов дал тоже Александр Трифонович. Поэт – Леонид Григорьян.

- Первая подборка моих стихов случилась в «Новом мире» в 66-м. И до сих пор я новомировский автор.

Стихи мои были довольно слабые, хвастаться тут нечем, более или менее профессиональный дилетантизм.

Профессиональным поэтом я себя не считал и не считаю. Констатирую это без тени лукавства.

Как вообще можно считать себя поэтом, если ты современник Тарковского, Ахматовой?!

Но благодаря этой публикации в дальнейшем я просто вкладывал стихи в конверт и отсылал в Москву. Двенадцать раз меня печатали в «Звезде», десять раз – в «Новом мире».

Это считалось тогда неким, пусть и иллюзорным, «знаком качества», так что с той поры и другие солидные журналы, как правило, относились к моим писаниям благосклонно.

Предисловие к первой книге Григорьяна «Перо» написал другой донской поэт.

Сотрудник редакции журнала «Дон», Николай Скрёбов.

Николай Михайлович – младше, но уже несколько лет состоит в Союзе писателей СССР.

О творчестве Николая Скрёбова рассказано в сборнике Библиотеки «Припомню от начала до конца».

Леонид Григорьян в писательский Союз советского образца так и не попадёт, он был «внесистемной единицей». Ростовская организация его не примет.

А ведь рекомендации для вступления давали Фазиль Искандер, Давид Самойлов, Арсений Тарковский и Булат Окуджава!

Леонида Григорьевича примет в свои ряды Союз российских писателей, уже после развала СССР.

А к Стране Советов отношение было особое:

- Компания, с которой я водился в Ростове, была очень пёстрой. Собирались обычно у меня дома, у нас было два физика, один терапевт, писатель, инженер и латинист.

Что нас объединяло? Не знаю. Может быть, ненависть к советской власти. Ведь все мы жили с предощущением ареста.

Если бы Сталин прожил ещё несколько лет, посадили бы и меня, и всех остальных. Но нам повезло.

Я не хочу сказать, что я такой умный и раньше всех прозрел. Но что должен был ощущать я, мальчик семи лет, у которого арестовали отца, а затем арестовали весь наш дом?

И, однако:

- Мой дом всегда был открыт для гостей, поскольку сам я в гости ходить не люблю, а жил один.

Бедность была нормой. Если богатые где-то и были, то они скрывали своё богатство.

А нам нужно было очень мало.

Нет, ощущения бедности у нас не было! Было ощущение счастья. Утром я просыпался и думал: «Должно случиться что-то хорошее...»

- А нам нужно было очень мало...

И это так! В те – уже тридцатилетней почти давности – времена, нам действительно было нужно совсем немного!

Потому что жили с уверенностью в завтрашнем дне! А уверенность эту в горбачёвскую перестройку просто украли.

Валентин Овечкин окончил свои дни далеко от Дона – в Узбекистане. А в Грузинской республике пережидала войну его семья.

После развала Союза ССР русскому парню из Грузии, наоборот, пришлось обживаться в России. В Ростове-на-Дону.

Овечкиным, если не считать ностальгии по дому, жилось в Ташкенте вполне сносно.

А семье Гуцко пришлось поначалу несладко – считали чужими.

Денис Гуцко.

Российский журналист и писатель, лауреат премии «Букер – Открытая Россия».

Денис Николаевич называет себя писателем-графоманом и говорит, что не может не писать:

- Даже если бы ничего не получалось и никто меня не читал, всё равно бы писал.

Но получается. И читают.

Как и Григорьян, как и Овечкин, начинал путь он в большую литературу в толстых журналах.

Всё – когда-то – первоначально. И всё – искусство.

Окончил Гуцко, как и Григорьян, Ростовский госуниверситет.

А, как и Овечкину, довелось посапожничать.

А и Григорьян, и Овечкин любили байдарочные маршруты.

Такая разница в возрасте, а сколько похожего в биографиях!

Как и Валентин Овечкин, как и Леонид Григорьян, Денис Гуцко во многом не согласен с тем, что творится за окном:

- Геополитика – всегда грязная штука, от геополитики льётся кровь. И все эти очевидные, но разнонаправленные вещи – да, рвут меня напополам.

Хорошая литература может всё!

К сожалению, корявые реформы тоже могут многое.

Наши истеричные реформы среднего образования сделали очень много для того, чтобы мешать детям учиться, а взрослым – преподавать.

В своих романах, повестях, рассказах, статьях Денис Николаевич талантливо и честно живописует современный ему мир.

Иногда, после прочитанного, становится удивительно, иногда – непонятно, иногда – страшно.

Но самый молодой букиеровский лауреат не считает, что писатель должен что-либо объяснять или давать какие-то рекомендации:

- Я не тяну на пророка, и мне от этого ни холодно, ни жарко.

К тому же мне близка фраза Гумилёва, адресованная супруге: «Аня, отрави меня собственной рукой, если я начну пасти народы».

Очень разные, несмотря на сходство биографий, у нас авторы.

Но, все – очень талантливы!

А как же иначе, «пока перо торопится в руке?»

*

ФАКТ ПОВОРОТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

*Чтобы твёрдо поверить,
надо начать с сомнений.*

*Я материалист,
но думаю, что с душой человека
надо всё же работать.*

Валентин Овечкин

- Степь, омытая бурным летним дождем, – какая красота! Вокруг вагона, стоявшего на широком столбовом шляху, горели холодные огни заката.

В одной стороне небо очистилось, там засияло большое красное, уходящее за курганы солнце, в другой – сбились к горизонту, изредка отстреливаясь далёкими беззвучными молниями, чёрные тучи.

На мокрой траве, на каменной бабе, выкопанной кем-то из кургана и поставленной у дороги, на окрайках разорванных туч – на всём багряные брызги, кровь солнца.

Медные телеграфные провода на столбах, колеблемые ветром, вспыхивают, точно расплавленные.

Станный свет, быстро гаснущий, как зарево затухающего пожара, падает на землю.

И там, в той стороне, где тучи, – всё новое, живое, молодое.

Трава зелёная-зелёная.

Одинокий тополь, выросший из пушинки, занесённой ветром в степь, красуется, словно вырисованный на туче тончайшей кистью, – виден каждый листик, белый, чистый, серебряная роспись на чёрном бархате.

Так описывать природу может только настоящий мастер.

Валя появился на свет в Таганроге, 22 июня. Очень долго годом рождения считался 1904-й.

Но не так давно обнаружилась запись в книге Митрофаниевской церкви, где чётко указано: 22 июня 1906 года.

Просто юный Овечкин прибавил себе пару лет, чтобы взяли работать портовым грузчиком.

А решил взрослее стать юный Овечкин не от хорошей жизни: есть было нечего.

- Отец работал до Октябрьской революции счетоводом в Азово-Донском банке, после революции – счетоводом в Таганрогском уездном продкоме.

Мать была домохозяйкой.

Детство – очень мрачное. Драки братьев. Трудная семья.

Я не помню матери. Но старшие братья и сёстры много рассказывали мне о ней – ласковой, доброй, тихой женщине. Нас, детей, у неё было восемь душ.

Некоторым людям «повезло» родиться в хорошей рабочей семье, с традициями, с хорошим дедом, бабкой.

Простое, крепкое рабочее воспитание с детства.

Но вот перед вами человек, которому в смысле выбора места рождения не повезло.

Как будто всё нарочно сложилось для того, чтобы вышел из меня сукин сын.

Жили Овечкины очень бедно. Валя рос впечатлительным, малообщительным и одиноким, не любил праздники. И в будущем – не опубликует он ни одной строчки в праздничных номерах газет!

Но глава семьи хотел дать детям образование.

Младшего сына удалось определить в техническое училище, старшие к тому времени давно жили самостоятельно и между собой не общались.

Но поучиться довелось недолго.

Через много лет напишет он брату:

- Когда я остался мальчишкой после смерти отца один в пустом доме, без всяких средств к существованию, кто мне помог?...

С тринадцати лет я сам себя кормил, несмотря на обилие родственников...

Сейчас я, в общем, не жалею, что жизнь у меня так трудно сложилась с детства. Это была хорошая закалка.

Валентин нанялся подмастерьем к сапожнику. И даже понравилось.

- Я способен был всегда подолгу любоваться тем, что сделал. Это иногда сводило на нет быстроту работы.

Сошьёшь пару сапог за день, а час потом тратишь на то, что вертишь их в руках и любишь – смотри-ка, сам сотворил!

Чуть позже приютила сестра из села Ефремовка. Но не за просто так. В деревне впервые столкнулся будущий писатель с тяжким крестьянским трудом.

И пришло понимание того, что нет ничего дороже земли-кормилицы. И родилось желание об этом писать.

И пишется – на любой бумаге, какая попадалась под руку, даже в книгах между строк:

- 20 пьес в Ефремовке. А до этого, ещё у Калачева – 10 романов (на старых книгах). И в коммуне. И в Кисловодске.

Но ничего из этого не сохранилось, о чём сам автор совсем не жалел. И романы, и пьесы те – были более чем слабые.

В 1924 году становится Валентин секретарём местной комсомольской ячейки.

Через год из ефремовских бедняков организовал первую в Приазовье сельскохозкоммуну – назвал в честь всесоюзного старосты Михаила Калинина.

И решительно включился в дело коллективизации. И сам сел на трактор.

Трудное это было дело, новое. Но тем и привлекало бедноту, что впереди замаячила счастливая жизнь!

Овечкин наладил контакты с краевыми культорганами. И сельский клуб стали украшать афиши – с концертами приезжали художественные коллективы из Таганрога и Ростова.

А молодой председатель организовал и свой, ефремовский, театр. Сам писал тексты, сам режиссировал, сам играл.

А ещё открыл избу-читальню и пункт ликбеза.

1928 год. Первый литературный успех: публикует в газете (под псевдонимом) рассказы «Глубокая борозда» и «Савельев».

Сюжет – становление своего колхоза и начавшаяся в деревне политическая борьба.

Коммунары передавали газеты из рук в руки и удивлялись совпадениям (как про нас писано!), не подозревая, что автор – их председатель...

Всё это захватило настолько, что определило дальнейший жизненный путь, и в 29-м Валентин получает билет ВКП(б).

И двадцати пяти лет – он уже секретарь парторганизации крупного колхоза.

Валентин Владимирович никогда не сомневался в правоте своей и партии: у государства и крестьянина интересы одни, только вот не все это понимают!

Вскоре направляют его на Кубань:

- Были у меня идиотские должности – зав. культотделом, предгорсовпрофа.... Изнывал.

Строптивного партийца отправили на партийные курсы. И – наводить порядок. В самые неблагополучные станицы. Вот что он вспоминал о голодном 1933 годе:

- Проработал я в Темиргоевской зиму и всё лето. И мертвецов там хоронил.

И организовывал людей лопатами копать землю под посев и на плечах носить семенную и продовольственную ссуду из Курганной.

И банды ликвидировал.

Я дневал и ночевал в тракторных бригадах.

Как бывший тракторист, помогал ребятам и трактора ремонтировать, и придумывал всякие комбинированные прицепы.

Через год окончательно порвал с бюрократическими должностями и ушёл разъездным корреспондентом – сначала в «Молот», потом в «Колхозную правду».

В 1935 году в Ростове выходит первый сборник, «Колхозные рассказы».

Обычно выделяют весёлую повесть «Гости в Стукачах».

Но в основном, ничем особенным пока все эти публикации не привлекают: просто пропаганда нового уклада жизни:

- Я никак не соглашусь, что борьба тракторной бригады за 2000 га на машину и за передовой колхоз и связанные с этим личные судьбы людей не могут быть сюжетом большой захватывающей картины!

Зато уклад жизни самого Валентина Владимировича от общепринятого отличался.

Он постоянно выступает против проведения коллективизации «любой ценой»! Принимает очень смелые решения.

Например, в бытность председателем, когда в соседних станицах люди умирали с голода, распорядился ночью перепрятать резервное зерно.

И целую зиму подкармливал своих, и станица выжила!

А когда сотрудник «Колхозной правды» по наговору превратился во «врага народа», Овечкин обращается в Союз писателей, затем к Михаилу Шолохову.

Едет в Москву! И добивается приёма в Комиссии партийного контроля. И добивается освобождения.

Всё это очень не нравилось местным руководителям, быстро нашёлся предлог, и строптивного собкора исключили из партии. Примут снова – в 43-м.

Писатель перешёл на работу в «Армавирскую комму-ну».

Коллеги рассказывали:

- В период работы в редакции «Коммуны» Валентин Овечкин был молодым человеком, в косоворотке, с прищуренными серо-голубыми глазами, с красивой, правда, редкой улыбкой, с нахальным вихром на макушке.

Сосредоточенный, молчаливый. Всегда говорил тихо, задумчиво.

Всем нравилась в Овечкине скромность в соединении с чувством собственного достоинства.

Он был скуп в рассказах о себе, в редакции старался держаться в тени, подальше от начальства.

Овечкин не был ни скрытным, ни хитрым, высказывал свои мысли открыто, не любил говорить слова осуждения о ком-либо в его отсутствие.

В начале 1941 года Валентина Владимировича принимают в Союз советских писателей.

Он печатается в московских журналах, оставляет газеты и полностью переключается на литературное творчество.

Война застала на Кубани. Писатель ждёт повестку.

Чуть ли не каждый день наведывался в военкомат, но – *«на вашу учётную специальность нет разнарядки»*.

Возвращался, шёл к дому через всю станицу, а за плетнями глядели на него с укором первые солдатки:

- Ощущение было такое, будто прохожу сквозь строй. Сгорал от стыда.

А ведь уже начали приходиться похоронки...

Наконец, в декабре получает он направление в газету Северо-Кавказского фронта.

А ровно через год – уже на Сталинградском фронте в качестве политработника.

Была такая должность – «агитатор полка».

Пехотным офицером прошёл в боях от Сталинграда до Украины, работал в армейской и фронтовой печати.

Здесь уже приходилось воевать по-настоящему – бои под Богаевской, под Мелитополем, в Донбассе и в Запорожье.

Писать некогда, только короткие заметки в блокнотах – сюжеты будущих рассказов.

Война сердце ожесточает, появляются и такие записи:

- Баптист, на военном закрытом суде. Законченный враг. Дали 10 лет. Напрасно! Надо было полюбоваться, как типом, а потом расстрелять.

Летом 42-го писатель отправляет жену с сыновьями Валей и Валерой в Грузию. А сам чуть не погибает!

Группа журналисты летит из оккупированного Крыма. Оказалось, что горючего не хватает, и самолёт пришлось сажать на берегу Керченского залива – в камыши.

Хоть и с кучей травм, но все остались живы. Овечкин отделался контузией.

Через год – он редактор «Боевого листка» 51-й Армии, вскоре отзывают и направляют в газету «Правда Украины».

Семья переезжает в Киев. Слово сыну Валерию:

- Во время спешной эвакуации главный редактор газеты запаниковал и трусливо сбежал на «виллисе», бросив всё на произвол судьбы – редакционные архивы, имущество, технику и, главное, сотрудников редакции.

На таманской земле отец высказал редактору всё, что он о нём думает, и ушёл из газеты – по собственному желанию, но с прекрасной партийной характеристикой.

Киевский период сохранился в моей памяти неплохо, хотя и фрагментарно.

Помню пустую квартиру, помню вид из окна на деревянный дом – красивый резной терем, а из другого окна – на широкую улицу, по которой водили на стройку колонну пленных немцев в окружении конвоя автоматчиков с собаками.

Помню, как прохожие останавливались и молча смотрели на немцев.

Помню ощущение перманентного голода. Мама после всех перипетий эвакуации слегла в больницу с истощением.

Врачи требовали одного – усиленного питания...

На отца свалились и женские заботы.

Он поздно приходил из редакции, когда я уже засыпал.

А по ночам он работал, примостившись к маленькому самодельному столу, работал над повестью о фронтовиках.

Повесть «С фронтовым приветом» – первое произведение, принёсшее нашему земляку известность.

Тема – возвращение бойцов домой, их адаптация к мирной жизни, к трудовым будням.

И твёрдое убеждение, что в послевоенной жизни не будет места недостаткам прошлого!

Вдумайтесь в то, о чём размышляет офицер Павел Спивак:

- Есть прекрасные места в воинских уставах, этих сборниках вековой и – военной и житейской мудрости.

Есть параграфы: если попал в наступлении под сильный миномётный огонь противника, не останавливайся.

Остановишься – пропадёшь. Заляжешь – тоже недобровать. Броском вперёд! – и продолжай выполнять боевую задачу.

Накрыла артиллерия на пристрелянном рубеже – броском вперёд! – на сближение с противником!

Разве это только о войне?

- Сейчас мне легче стало писать на фронтовые темы, потому что прошёл солдатскую жизнь с низов, с курсов, с полка.

Это опять даёт мне такое же преимущество перед другими писателями, какое я имел, когда писал о колхозах.

Однако цензура определяет, что «С фронтовым приветом» публиковать нецелесообразно. Овечкин отправляет копии рукописи в Кремль, в журнал «Знамя».

Едет снова в Москву – в Союз писателей.

Из письма жене:

- Повесть прочитали Фадеев и ещё ряд московских писателей, и все говорят, что это – большое событие в литературе.

И вот публикация! Майский, победный! – номер 1945 года журнала «Октябрь». Михаил Колосов о публикации отозвался так:

- Искренняя, поэтическая, откровенная повесть сразу привлекла к себе внимание и вполне заслуженно сделалась самой читаемой книгой тех лет.

После войны Валентин Владимирович возвращается в Таганрог, снова пишет статьи и пьесы, разоблачающие злоупотребления и показуху.

И снова ссорится с властями. И покидает Юг России.

По свидетельству друга – пригласил секретарь Курского обкома партии:

- Там вводятся новшества в организации колхозного производства и труда. Для колхозного писателя это должно быть интересно.

И в 1948 году Овечкины переселяются во Льгов – районный центр Курской области.

Мнение о городе неважное:

- Льгов-Ольгов. Ещё много таких унылых сёл, где и традиции не было деревья сажать. Острее чувствуется здесь необходимость шагать вперёд.

Почему так написано – непонятно.

Городок – да, небольшой, но весь в садах. Да и встретили писателя очень неплохо: помогли с переездом, дали квартиру.

И дали сразу партийное поручение – разъезжать с агитацией по деревням.

И он снова не согласен с руководством! Хотя по-прежнему в правоте партийной линии сомнений не было – это на местах всё извращают!

Опубликована пьеса «Настя Колосова» – опять же о колхозных проблемах. «Настю...» отдали МХАТу – и постановка полностью провалилась.

Как писали, это была *«разыгранная в лицах статья»*. Овечкин, конечно, расстроен.

Но зато следующее произведение – делает его знаменитым на всю страну. Неожиданно и для самого писателя.

Цикл из пяти очерков под общим названием «Районные будни». Очерки эти основательно всколыхнули общество.

Хотя тема всё та же: сельская жизнь в глубинке, борьба «хороших» партийных работников с «плохими».

Валерий Овечкин:

- В курском альманахе, куда отец отнёс «Районные будни», ответили отказом.

Ни одно московское издательство и ни один журнал, куда отец разослал рукописи, не приняли.

Отговорки разные: «не ко времени», «слишком остро, цензура не пропустит», «не вписывается в план издательства».

Рискнул Твардовский.

Кто-то посоветовал отцу предложить работу главному редактору «Нового мира».

На Твардовского этот – всего на полтора печатных листах – очерк произвёл настолько сильное впечатление, что он, по собственному признанию, готов был «идти хоть на эшафот», только бы работу опубликовать.

И сумел-таки Александр Трифонович убедить все надзирающие инстанции в своей правоте! А автор получил телеграмму:

- 15 июля 1952 года. Работа, безусловно, интересная, ценная. Будем печатать. Необходим Ваш приезд, хотя бы на один день. Проезд редакция оплачивает. Твардовский.

Эту книгу не назовёшь ни документальной, ни фактографической; но и не совсем она художественная.

Сам автор считал, что это «какая-то новая литературная форма, которой пока не найдено названия», главное в его очерках «человеческая сторона дела, а не сельскохозяйственная!»

Трагедия самоуправства местных властей была его личной драмой. С рвением он отстаивал права колхозного крестьянина:

- Я считаю, главной победой в этой вещи то, что мне удалось, наконец, после долгих мучений, после нескольких лет, найти подходящую форму, чтобы сказать – в небольшой оперативной вещи за одним разом – всё наболевшее.

И писатель вовсе не призывал жестоко карать своих противников.

Сколько их, неистовых ревнителю революционных идей, в жажде скорейшего светлого счастья, ради цели – готовы были выбирать любые средства!

И Овечкин это понимал. Как не вспомнить шолоховскую «Поднятую целину»! Давыдов о Нагульнове:

- Путаник, но ведь страшно свой же!

Позднее главный редактор «Нового мира» отзовется так:

- Сравнительно небольшой по объёму очерк этот явился в нашей литературе, обращённой к сельской тематике, фактом поворотного значения.

Здесь впервые с такой нежданной смелостью прозвучало встревоженное слово вдумчивого литератора о положении в сельском хозяйстве тех лет, о необходимости решительных перемен в методах руководства колхозами.

Пожалуй, ни одно из произведений «крупных» жанров, по выходе в свет этого очерка, не могло бы сравниться с ним – ни читательской почтой, ни количеством отзывов в печати.

Снова слово Валерию Овечкину:

- Вероятно, ни автор, ни редактор не ожидали столь громкого успеха очерка.

В редакцию пошёл поток читательских писем – от Чукотки до Бреста, от Мурманска до Ставрополя.

Читатели требовали продолжения!

Второй очерк «На переднем крае» отец в 1953 году сдал в «Правду»... Время шло, а решение не принималось... И вдруг звонок из Кремля: дают добро...

Появились следующие «В том же районе» и «Своими руками». В 1956 году отец завершил цикл публикацией очерка «Трудная весна».

Популярность – штука злая и опасная, но у отца, видимо, был крепкий иммунитет против неё.

Звёздной болезнью он не страдал – ни грамма высокомерия и зазнайства в общении с внешним миром я у него не замечал.

Напротив, популярность он воспринимал лишь как рост ответственности перед читателями, литературой и обществом.

Эти «Районные будни» и дали начало «деревенской прозе» 70-х.

Как и всегда, не обошлось без перегибов.

Окрылённый успехом Овечкин – с трибуны съезда Союза писателей СССР – предложил расселить по областным центрам страны писательский городок Переделкино!

Дабы сблизить с самыми широкими массами литературную элиту. Которую именовал «переделкинскими помещиками».

Рецепт прост: два-три писателя на областной центр – и обеспечена связь литературы с жизнью! Возмущённые литераторы ответили гневными письмами.

Переделкино, как известно, сохранилось.

Но отрываться от народа после овечкинских предложений уже не получалось.

Более того, пожить литератору некоторое время в деревне и запечатлеть позднее свои наблюдения на бумаге, стало модно.

А ещё стало модным пойти на завод! Появилась даже рубрика «Журналист меняет профессию».

Писательские хождения «в народ» бытовали и ранее. Но пример Овечкина придал этому явлению особый размах.

И, чтобы быть на переднем крае самому, осенью 60-го отправился Валентин Владимирович на целину – тогдашнюю основу экономической политики государства.

И пришёл в ужас от творившегося – под прикрытием громкой целинной компании – полного бардака.

Его резкое выступление на Курской партконференции естественно вызвало негативную реакцию слушателей – тех самых чиновников, против которых выступление и было направлено.

Последовали серьёзные неприятности.

Писатель пытался застрелиться. Тогда спасли. Но лишился глаза и потерял веру – во всё.

Корил себя за то, что не оправдал собственных надежд на светлое будущее. За которое так отчаянно боролся!

Физическое и моральное истощение, алкоголизм, самобичевание довели до полного изнеможения.

Как сам признавался – покинула муза.

В письме Твардовскому открыл наболевшее:

- Иногда, Саша, мне кажется, что писательству моему пришёл конец. Что-то будто оборвалось в душе.

Я не тот, каким был: другой человек, совсем другой – остатки человека. Писать-то надо кровью, а из меня она как бы вытекла вся.

В 1963 году, он уехал к сыновьям в Ташкент.

Последние годы Валентин Владимирович тяжело болел и мечтал о средней полосе России.

Очень хотел вернуться, но материальные проблемы и перенесённый инфаркт не позволяли.

Писал:

- Как увижу здесь какую-нибудь домохозяйку, несущую в авоське грибы с базара, большие, белые, очень похожие на дичневские шампиньоны, так вспоминаю наши поездки за грибами и на рыбалку...

Эх, на Дичню бы съездить! Поплавать на байдарке, окуней половить. Да далеко, не достать.

Жизненный путь Валентина Овечкина окончился 27 января 1968 года.

Кто-то называл этого человека самым надёжным и верным другом.

Кто-то – считал крайне прямолинейным и непримиримым, видевшим в оппонентах только врагов.

Но то – что находил он время писать письма простым деревенским людям и никогда не отказывал им в помощи – признавали все.

СМИ отмечали:

- У него всегда был особый талант – говорить от имени трудового человека из народа.

У кого корявые мозолистые руки, загорелое лицо.

Кто не очень-то образован и начитан, чей русский язык прям, остёр, колоритен.

Кто внешне груб, но у кого в груди бьётся настоящее русское сердце, сердце пахаря, а если нужно – воина.

Произведения Овечкина никогда не были творчеством ради творчества, не служили для увеселения и самолюбования – в них был глубокий идейно-духовный посыл.

С 1974 года в Курске проходит ежегодный конкурс молодых журналистов имени Валентина Овечкина.

*

ЛАТЫНЬ С ОТРОЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

*Я люблю эту жизнь, эту едкую сласть.
Не всегда удалая – она удалась.
Я недаром возился и мучился с нею.
Может, надо краснеть за неё? –
Не краснею.*

Леонид Григорьян

В середине прошлого века в ростовской школе № 49 зачем-то ввели латынь. Доверили выпускнику РГУ. Как рассказывал он сам:

*- Университетский преподаватель без всяких просьб с моей стороны написал уникальную характеристику:
«Знает классическую латынь с отроческого возраста.*

Ещё до поступления в университет он проштудировал тексты Тацита, Тита Ливия, Саллюстия Корнелия Немота и Цицерона.

Впоследствии самостоятельно изучил древнегреческий язык и прочитал в оригинале Гомера, Геродота, Менандра и Плутарха».

Адресат «уникальной характеристики» – поэт Леонид Григорьян.

Однако известен не только своими виршами. Все будущие донские медики – и уйма не только донских – глотали валерьянку в преддверии сдачи ему экзамена.

Легендарное романо-германское отделение РГУ открыто было ещё в 1944 году.

Не без военных целей: на нём собирались готовить не одних переводчиков-международников, но и специалистов более опасных профессий с совершенным знанием вражеской немецкой культуры и языка.

Среди других университетских подразделений (в связи со спецификой) это отличалось огромными свободами западного образца – как их тогда представляли в СССР.

Отделение просуществовало десять лет, закрывшись из-за отпавшей военной надобности. Но, как говорили, *«успело породить большую группу вольнодумцев»*.

После года работы в школе Леонид Григорьевич возглавил кафедру латинского языка в вузе:

- По воле случая стал преподавать латынь в Ростовском мединституте. Полагал, что временно, а проработал там почитай всю жизнь.

О чём, впрочем, нисколько не жалею – профессия моя оказалась максимально удалённой от тошнотворной государственной идеологии, так что в этом смысле мне явно повезло.

А преподавал довольно своеобразно. Вот одна из устоявшихся баек.

Однажды декан (ректор? проректор?) проходил по коридору. В одной из аудиторий – смех и оживление.

Что там такое? Что за весёлый предмет? Тихонько заглянул – а, понятно, Григорьян со своей латынью...
Весёлый предмет, конечно.

Его подопечные рассказывали, что молодой, яркий, умный, интересный латинист умел сделать из этого мёртвого языка нечто особое, запоминающееся и живое.

Иногда читал свои стихи.

Студентов-медиков поэзия не очень-то интересовала, но строчки Леонида Григорьевича нравились.

И запоминались сами собой, на слух.

От латыни до французского – путь недолог. Григорьян переводил Альбера Камю и Жана-Поля Сартра.

Он наведалься тогда, в 66-м, в столицу – «Новый мир» как раз напечатал его стихи.

В редакции зашёл разговор об ещё не переведённом на русский «Падении». Ростовчанин обмолвился, что несколько лет назад он эту повесть переложил.

Новомирцы удивились и попросили посмотреть.

- Камю я перевёл, ещё когда тот был запрещён. Для друзей.

Но тут я увидел, что в «Иностранке» опубликовали «Постороннего» в переводе Норы Галь. И подумал, что наступил час Камю.

Отослал перевод в «Новый мир». Твардовский написал мгновенно.

Когда ему позвонили из «Художественной литературы» и сказали, что уже есть перевод Немчиновой, Твардовский ответил: «У нас свой переводчик, и перевод нас устраивает».

Потом я перевёл пьесы Камю, их напечатали в «Литературной Армении». Много переводил Сартра.

Переводить помогала преподавательница французского Диана Николаевна Вальяно.

Леонид Григорьевич писал хорошо, а вот язык-то выучен не на уровне!

После «Падения» взялись сопереводчики за «Калигулу», потом – за «Недоразумение» и рассказы.

Фрагменты опубликовал ленинградский журнал «Нева».

А академическое издательство Украины «Фолио» предложило перевести сартровскую тетралогия «Дороги свободы».

Григорьян соглашается, но жалуется, что это угнетает – *«вот если бы Камю!»*

И берётся за перевод большого романа о геноциде армян Ваге Кача «Кинжал в саду»

Далее – детектив Ноэля Калефа «Лифт на эшафот». По мотивам «Лифта...» Станислав Говорухин снимет фильм «Weekend».

Он переводил практически всё, о чём просили, но каждый раз обязательно лукаво предупреждал:

- Да ведь я и языка-то не знаю...

Лёня родился в Ростове, 27 декабря 1929 года.

- Я с трёх лет живу в этом доме – многолюдной сталинской шестиэтажке, в детстве казавшейся небоскрёбом среди низкорослых саманных халуп.

У Григорьяна много трогательных стихов, посвящённых своему маленькому обжитому миру. Такое вот:

*Есть мужество пиратское, но кроме
Есть мужество прожить в том самом доме,
В том самом прозаическом квартале,
Где сверстники о подвигах мечтали.*

*Есть отвращенье к косности, но кроме –
Естественное отвращенье к крови.
Оно одно и в сорок и в двенадцать,
Но только в детстве в этом не сознаться.*

Или такое:

*Пора, пора... Но, у дверей помедлив,
Ты оглядишь всё то, чем обрастал,
И удивишься: до чего же стал
Твой взгляд ревнив, дотошен, привередлив.*

*Как ни гони себя – опять фальстарт.
Душа не принимает понуканья.
Ей нужно знать: всё на своих местах –
Стол, на столе стакан, вода в стакане,*

*На правой стенке старые часы,
Под лампой черновик на полуслове,
На кухне сковородки и тазы –
Всё как всегда и ничего не внове.*

*Диван, где ты отлеживал бока,
В углу иголки от недавней ёлки.
Нет, твой возврат не исключён, пока
Ахматова стоит на той же полке.*

*Ты медлишь суеверно у дверей,
Ты хочешь и не хочешь оглянуться.
И заклинаешь: «Уходи скорей»...
В глухой надежде через миг вернуться.*

Обычная советская семья, мама – библиотекарь, папа – экономист, трое сыновей.

О двух других парнях – неизвестно, а вот Леонид довольно рано стал бунтарём.

- Я не был комсомольцем. Это произошло чисто случайно. То ли я не выучил устав, то ли ещё что-то – точно уже не помню.

Меня наказали и не приняли.

А когда я поступил в университет, то сказал нашему комсоргу – славная такая была бабёха, деревенская: «Я не могу вступить в ВЛКСМ, потому что я верую в бога».

Она раскрыла рот и, между прочим, даже не донесла. Больше меня не трогали.

А не вступал в ряды ВЛКСМ потому, что очень власть обидела.

- Отец был экономистом, беспартийным. Взяли. Взяли кавалерийского комкора Фогеля, который жил над нами.

Взяли фольклориста Корытко-Снитковского – его квартира была этажом ниже. Снитковский был поляком, а поляков брали поголовно.

Взяли еврея Лаптина – секретаря какого-то райкома. Расстреляли.

Потом взяли всех жён. Потом в интернат отправили всех детей.

Напротив нас был греческий квартал. Арестовали всех греков, потому что была разнарядка арестовать тысячу греческих националистов.

А отца обвиняли в шпионаже на все мыслимые и не мыслимые разведки.

Его заставляли подписать донос на сорок два человека, и отец говорил, что наверняка подписал бы, там ломали и не таких, но из перечня он мало-мальски знал только двоих, а сорок и в глаза никогда не видел.

Заточенной зубной щёткой он пытался вскрыть себе вены, вспороть живот, его доставили в тюремный госпиталь...

А тут вдруг Ежова сняли. Назначенный Берия всю мелкую сошку – неподписантов – выпустил, была такая «акция милосердия» в начале его карьеры.

Есть у Григорьяна одно стихотворение – «Накануне восстания». Критики часто цитируют. Написано очень давно – но как отзывается сегодня:

*Недотёпа, затурканный шкет,
От рожденья виновный и грешный,
Персонаж картотек и анкет,
Производное тли кагэбэшной,*

*Обречённый метаться впотьмах,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскрёбышем, карлой, шестёркой,*

*Безответным объектом воря,
Сиротой посреди мирозданья...
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья.*

Июнь 41-го. Григорьяны эвакуироваться не смогли, довелось пережить оба периода немецкой оккупации.

У Леонида был врождённый недуг, нарушение координации движений.

А он ещё как-то попытался вырвать у немецкого солдата оружие! Тот стрелять не стал, но спустил парня с лестницы. Что, конечно, здоровья не добавило.

В тридцать ходил уже Леонид с палочкой. В пятьдесят – с двумя палочками и не мог поставить автограф в зачётке.

Несколько раз переучивался писать – менял руки.

Перенёс две сложнейших операции. Одну делал знаменитый нейрохирург Эдуард Кандель. И болезнь на какое-то время отступила.

Фазиль Искандер как-то пошутил:

- Ты, Лёня, единственный поэт, которому пошло на пользу вмешательство в его мозги...

Но, человек, не знающий о физических недостатках поэта, ничего о них и не знал!

Тема болезни не присутствовала ни в творчестве, ни в быту – современников он часто поражал как раз тем, что не делал никаких скидок на своё состояние.

Наоборот, рассказывали о Григорьяне вещи абсолютно не-инвалидские!

Поэт и математик Сергей Жак:

- В школе ходили легенды о Лёне Григорьяне, пишущем замечательные сочинения, резко отличающиеся от принятого школьного стандарта.

Позднее, когда Лёня стал писать прекрасные, глубокие по содержанию и совершенные по форме стихи, он нередко встречался с моим отцом, Вениамином Жаком, и даже на одной из первых книг сделал такую надпись:

*Легко писалось и шутя,
В плену иллюзий и без плена.
И вот ещё одно дитя
Вениаминова колена.*

*У нас существовал устойчивый круг общих знакомых.
Однажды даже вместе семьёй Виталия Сёмина
«сплавились» по Дону на байдарках.*

Как это всё сочеталось с его физическими хворями –
понять невозможно, но тут была какая-то изумительная
способность воспарять вопреки всему!

*Жить! Начиная с нулевой отметки.
Жить на свету! Без грима и подсветки.
Не по одежке и не по уму –
Равновелико сердцу своему.*

Одна из статей, об уже маститом авторе, называлась
«Поэт-сердцеед и его музы».

- *Первая красавица Ростова приехала к нему ночью в
одной только шубе на голое тело,* - честно сообщает
журналист о том, что именно он впервые услышал об
этом человеке.

И таких слухов – действительно масса.

А женщины, и правда, любили. И узами брака сочетался не единожды.

Как рассказывала последняя из жён, Жанна Радул, муж хранил под диваном поддон.

Туда отправлялись строчки, посчитавшиеся неудачными.

В 2000-х поэт уже не вставал, но Жанна всё «поддонное» сохранила.

Во взрослом возрасте – не складывались у Леонида Григорьевича отношения с собратьями во словесности.

В 68-м вышел в Ростиздате сборник «Перо». Редкий случай: на первую книгу провинциального автора отозвалась рецензией ленинградская «Звезда»!

И в ростовском «Молоте» положительно оценили.

- На следующий же день Аршак Тер-Маркарян устроил скандал редактору: как посмел он хвалить автора, который «преклоняется перед отщепенцем Пастернаком и белогвардейцем Гумилёвым!» - вспоминал поэт Валерий Рыльцов.

Но самое горькое событие литературной жизни пришлось на 1975 год.

Уничтожение властями сборника «Дневник», сигнальные экземпляры которого «Ростиздат» уже отпечатал:

- Они сожгли тираж моей книжки. Но виноват в этом не КГБ, а братья-писатели. «Накрутили» обком.

Два года книга лежала не продаваясь. А потом её уничтожили как нераспроданную.

Вот что рассказывал Борис Изюмский:

- 7 декабря 1975 года. После смерти Александра Бахарева руководителем ростовской организации стал Пётр Лебедеико.

Ещё не придя к власти, он объявил повесть А. Немцева «Конец Шкандыбина» вещью антисоветской, и мне с трудом удалось спасти книгу.

Затем объявил вредной повесть П. Шестакова «Страх высоты» (по этой повести поставили фильм).

И собрал Правление, чтобы приговорить к смерти книгу стихов Григорьяна «Дневник». Книгу защищали Скрёбов, Игорь Бондаренко, Н. Суханова. Не помогло.

В «Дневнике» нашли «антисоветскую диверсию» – стихотворение о римских рабах. Досталось и редактору сборника Нелли Бабаховой: уволили.

И – место сразу заняла супруга Петра Лебедеико!

Сам Григорьян считал, что ради этого скандал и затевался.

Всё просто: если можно было не подпустить к «кормушке», то и не подпускали. В писательском Союзе же – плановое печатанье книг гонорарных и курорты.

А он – да талантливее многих был. Значит, завидовали!

Как отмечено в одной статье, *«конечно, он не один. Высокие в мастерстве поэты, помимо Григорьяна, у нас и были, и продолжают быть. И в немалом числе. Дон на поэзию щедр!*

Да штука в том, что уровень определялся – задавался и контролировался – отнюдь не мастерами. И в Союзе писателей было отказано отнюдь не только Григорьяну».

Леонид в минуту слабости решил даже прекратить писать. Навсегда! Случаются у поэтов такие минуты.

И даже часы и годы:

*Лягу в два, а встану в три,
Гляну в окна, закурю.
Бог позволит: говори –
Ничего не говорю.*

Через полвека нам сейчас что-либо судить, конечно, сложно.

И Лебеденко – писатель вовсе неплохой. И – кто знает? – может быть, совершенно искренне верил в необходимость своей политики.

О жизни Петра Петровича Лебеденко рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Золотой итог».

А Нелли Христофоровна перешла на работу в Ростовскую киностудию и, в общем, ни о чём не жалела.

С «дела Григорьяна» в Ростовском отделении Союза писателей началось формирование двух противоборствующих групп литераторов, окончившееся расколом в 91-м.

А сотню сохранившихся авторских экземпляров «Дневника» автор дарил друзьям.

И столичные друзья организовали поддержку: в «Новом мире», в «Литературном обозрении», в «Звезде», в «Дружбе народов» появились хвалебные статьи известных поэтов и критиков на поруганный в Ростове сборник.

Благоприятная рецензия появилась и в «Молодом коммунисте». И партийная фортуна улыбнулась: опального пригласили в обком с предложением передать в издательство новую рукопись.

«Да кто ж её напечатает?» - «А вы передайте».

Так в 1978 году появились «Пенаты».

Книга получила прекрасный отзыв Татьяны Бек. Образно и мудро:

- Леонида Григорьяна неюным читателям поэзии представлять не надо: замечательный лирик из города Ростова в канувшие времена редко и глухо печатался (но всё же – расслышали и полюбили), а вначале больше был славен как переводчик Сартра и Камю.

В «Новом мире» 69-го была напечатана его блистательная русская версия повести «Падение», в которой – голоса автора, героя и переводчика – вдохновенно и трагически сливались вместе.

Я тогда Григорьяна не знала (позднее мы крепко сдружились, и вот уже лет двадцать пребываем в полемически весёлой переписке), но интуитивно сразу же раскусила, что переводчик тут не просто «почтовая лошадь», а ярчайшая и чудная (ударение – на оба слога!) личность, верхом летающая на своём личном Пегасе.

Позднее догадка эта подтвердилась не только при чтении оригинальных стихотворений Григорьяна, но и – его ороднённых интерпретаций армянской поэзии.

Публикаций не было.

Но в ростовской литературной среде его отлично знали: именно из этой квартиры начинали путь по рукам многие редкие и запрещённые книги и подборки текстов самого хозяина и его друзей:

- Самиздатовские, забугорные Мандельштам, Ходасевич и Набоков, раритеты серебряного века – через вторые и третьи руки попадали к нам из неиссякаемого источника по имени Леонид Григорьян...

Мало кто знал литературу так, как он. И мало кто вёл себя так свободно, не пряча своих вкусов и предпочтений.

Говорили, что в его стихах нет «ни хлёсткости, ни бойкости, ни лозунговой призывности. Вместо этого в них есть мужество и независимость».

Но в своей независимости Леонид Григорьевич мог быть очень категоричным. И жёстким. И суждения – крайне субъективны.

Вознесенского и Евтушенко назвал как-то не очень умными и эгоистичными. Пенял даже Твардовскому – не печатает тот Ахмадулину!

А впервые опубликоваться в центральной печати помог именно Евтушенко. Леонид показал свои стихи другу, тот – Евгению Александровичу, который и отнёс их главному редактору «Нового мира».

Но со временем, составляя антологию современной поэзии, Евтушенко о Григорьяне забудет.

Леонид Григорьевич посвятит Евгению Александровичу стихотворение о нелюбви к театру «Идёт спектакль, длинный, как состав...»

Речь о тех, кто незаметен: одна реальная деталь перевешивает весь блестящий театральный мир:

*Курчавятся победно парики...
И оттого правдивее и горше
Под веками усталой билетёрши
Не тронутые пудрой синяки.*

Вокруг дома-«григорьянца» сложился круг писателей, филологов, библиофилов разных поколений.

Прозаик (и лучший друг) Виталий Сёмин, поэт Эдуард Холодный, искусствовед Марк Копшицер, критик Сергей Чупринин – и ещё очень и очень многие.

А подлинным своим богатством называл Григорьян книги.

Одна комната стандартной трёхкомнатной квартиры – полностью в стеллажах, в двух других и прихожей – тоже книжные шкафы.

Тома классиков соседствовали с томиками, титульные листы которых украшали автографы современников: те же Чупринин и Сёмин, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Олег Чухонцев, Юнна Мориц.

Юнна Петровна посвятит ему великолепные строчки:

*И в шляпе крылатой, в крылатом плаще,
В крылатом снегу и в крылатом дожде,
В крылатой ночи на крылатом ветру,
В крылатых дворах на крылатом свету –*

*В крылатом пятне под крылатым окном, –
Крылатые сны разгоняя крылом,
Клянётся – душою на синих крылах! –
В крылатой любви на крылатых словах.*

А для начинающих литераторов Леонид Григорьевич был живой легендой. В григорьяновский дом специально «вводили», старшее поколение приобщало младших.

Здесь получили своё вдохновение поэты будущей «Заозёрной школы».

Место, по воспоминаниям гостей, было «проникнуто атмосферой хмельного веселья, культуроцентризма, поэзии и лёгкого диссидентства, смешанного с адюльтерами – гремучая смесь для любого становящегося ума!

Но канал связи с великой литературой, тем не менее, находился именно здесь».

О хозяине говорили, что был он артистом – в самом широком смысле этого слова.

Всякая новая журнальная публикация или поэтическая книга – просто театр одного актёра!

- Моноспектакль, в котором зритель, вместе с автором всякий раз проживает кусочек жизни.

Высокая игра и грубое шутовство. И особый талант – смотреть на наш XX век с юмором, – писали в прессе.

- Меня часто соблазняли: меняйся, переезжай, тебе нужен воздух! Но я этого не сделал и не жалею. Москва мне страшно не нравится. Это Вавилон.

Я коренной ростовчанин. Большинство моих книжек вышло здесь. Ростов я нежно и преданно люблю.

Я довольно часто бывал в Москве и других городах. Но всякий раз через день-другой меня неудержимо тянуло в Ростов. Здесь живут мои лучшие друзья.

Короче, Ростов – это мои пенаты. В целом я люблю своих сограждан – пусть они порой грубоваты, даже хамоваты, зато как-то по-особенному сердечны.

А чем хороша Москва, так это встречами. Там я познакомился с Надеждой Мандельштам.

В своей «Второй книге» вдова Мандельштама пишет, что в григорьяновском кругу активно производили самиздат.

Причём книги запрещённых авторов составлялись самостоятельно и очень тщательно: Надежда Яковлевна даже обнаружила в ростовском издании стихотворение Осипа Эмильевича, считавшееся утраченным!

Перестройка отмечена единственной книгой «Вечернее чудо». Издали сборник на родине предков.

В первой своей книге поэт признавался:

*В Армении я не был никогда,
Не видел на тропе отар овечьих,
Гремучий кипяток армянской речи
Не обжигал отрѣкшегося рта.*

Эту оплошность он исправит в 70-м. Тогда же «Литературная Армения» напечатала большую поэтическую подборку. А через двадцать лет – воспоминания.

Кстати, есть у Григорьяна замечательно-точная строчка о памяти:

Память – цвет довоенных лиловых чернил...

В 90-е о ростовском поэте снова вспомнили московские и питерские журналы. А ростовские издательства выпустили целых пять сборников: «Светает», «Терпкое благо», «Мчатся тучи», «Постскриптум» и «Вниз по реке».

За «Мчатся тучи» (второе место на конкурсе «За лучшую донскую книгу») автора наградили мобильным телефоном. Кажется, эта была единственная «литературная» награда Григорьяна.

А ростовский журнал «Ковчег» вынес на суд читателя написанные тридцать лет назад фривольные мемуары «Мэтр», посвящённые старшему товарищу – автору той самой университетской характеристики, университетскому преподавателю латыни, Сергею Фёдоровичу Ширяеву.

Ещё в 70-х выпускники РГУ Олег Тарасенков и Леонид Григорьян перевели сатирический роман Габриэля Шевалье «Клошмерль» (интрига разворачивается вокруг находящихся рядом собора и туалета).

Перевод француза сопровождался собственным творчеством – очень весёлым и сплошь усыпанным ненормативной лексикой!

- Тоже мне, нашлись луки мудищевы, - издевался Мэтр, - как говаривал Панург, в ваших гульфиках гуляет ветер!

Неужели вы полагаете, что для того, чтобы стать переводчиком, достаточно знать с грехом пополам один язык, совершенно не знать другого и иметь страстное желание заработать?!

Нет, не такими были Иван Иванович Кашкин, Евгений Львович Лани и Раиса Яковлевна Райт-Ковалёва!

Но, по всему, Леонид и Олег именно так и полагали!

Леонид Григорьян ушёл из жизни 30 августа 2010 года.

Перемены, которых так ждал поэт, выхода из бытийного тупика не принесли.

- Удивительная вещь: я, живя при Сталине, чувствовал, нет, был уверен, что могу изменить многое! Сейчас же твёрдо знаю, что от меня ничего не зависит.

Хотя в те времена, в войну, послевоенные годы, и предательство видел, и подлость всякую.

Но был какой-то всепоглощающий романтизм – даже умереть хотелось красиво, на миру, как, скажем, Овод.

А сейчас ничего не получается.

Нет массового террора, знаю, что не посадят за инакомыслие. А какая-то безнадежность.

Та же дряхлеющая диктатура, лишь повизгливей её отходная, - проводил он историческую параллель меж нашей новейшей историей и падением Рима.

Ну, можно ли быть вне того, что происходит? Весь XX век для России из политики состоит.

Впрочем, я не шибко диссидентствовал, только однажды, во время вильнюсских событий, принял участие в акции протеста.

*И вот – однажды загорчит вино,
И ты поймёшь хотя бы на мгновенье,
Что ты – звено, непрочное звено,
Продетое в доверчивые звенья.*

*Ты можешь оскользаться и гадать,
Бродить по свету и не видеть света.
Но главное – принять и передать,
Не потеряв ни унции при этом.*

Если следовать принципу «с волками жить – по-волчьи выть», то перестанешь быть человеком...

Счастье мы носим в себе.

Один видит, кому лучше, и приходит в ярость, другой замечает, кому хуже, и благодарит всевышнего за то, что у него лучшая доля.

Я – из последних.

Лежал года два назад в больнице и начал подводить итоги, считать, сколько людей мне сделали добро. Когда перевалило за сто, перестал – так что я счастливый человек.

Пережил две оккупации, две опасные операции, могли сколь угодно раз посадить – и не посадили.

Постоянно печатался во всех толстых журналах – разве это не фарт?!

*Всё прошло: погромы и парады,
Ранние могильные ограды,
Кухонные буйные тирады,
Бойкое глумливое перо,*

*Пьянки и любовные шарады,
Ловкие финты и ретирады,
Мелкие потравы и награды...
Всё же ты удачлив, Фигаро!*

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

*Люди, для которых важны
литература, живопись, театр,
иностраный язык –
становящийся понятным и любимым –
всегда знали, в чём секрет взаимопонимания:
храни свою культуру и уважай чужую.*

Денис Гуцко

В 2002 году журнал «Знамя» опубликовал рассказ «Апсны абукет». По-русски – название вина, «Букет Абхазии».

- Я собирался в гости к отцу, который тогда жил в Сухуми.

Отношения с отцом были поначалу непростыми. Родители развелись, когда я был совсем маленьким.

Мы с матерью остались жить в Тбилиси, а отец уехал в Абхазию. Он пытался наладить со мной связь, но я не шёл на сближение.

И только попав в армию, на многое стал смотреть другими глазами.

Взяли с женой билеты, а тут по телевизору передали, что там происходит что-то непонятное.

Слово «война» ещё не звучало.

Я сумел дозвониться отцу, и он мне сказал: «Здесь танки, ехать сюда не надо».

СМИ в своё время сообщали о «волнениях», «небольших столкновениях», а там шла самая настоящая война. Отец меня тоже успокаивал: дескать, всё нормально, только беспокойно.

Спустя годы он отдал мне свой дневник. Меня трясло, когда я читал отцовские записи.

Оказалось, что, пока я пил сладенькую водку и бегал за женщинами, там лилась кровь.

Из чувства стыда и родилась моя первая книга «Апсны абукет».

«Там, при реках Вавилона», – как и «Апсны абукет» – тоже во многом вещь автобиографичная.

Впервые напечатанная в журнале «Дружба народов», она удостоилась высоких оценок критики.

Автора называли даже «тонким социальным диагностом»!

Споры вызвала другая работа – ещё один роман-автобиография «Без пути-следа».

Номинация на «Букер» – российско-британскую литературную премию.

День рождения Дениса – 27 декабря 1969 года.

- В советские годы в автобиографиях гордо писал: «в семье интеллигентов». И мама, и папа были тогда инженерами-электронщиками.

Потом папа остался без работы ввиду начавшейся абхазской войны, мама – потому что закрыли её НИИ.

Сын интеллигентов отправился в Ростов – поступать в РГУ. И поступил. По образованию Гуцко – эколог-геохимик. И этот выбор – результат страстного увлечения Джеком Лондоном.

После армии начал печататься в одной из ростовских газет:

- Писал милые графоманские рассказы. В один прекрасный момент всё понял и стал учиться писать: подражал то одному, то другому автору.

Прочитаешь страницу Бунина – пытаешься написать что-нибудь под Бунина.

Назавтра прочитаешь страницу Хэмингуэя – пробуешь сработать под него. Последний, кстати, давался проще, после пришлось вытравлять из себя его интонации, его ритмику.

Сначала выходило плохо, затем неожиданно появились и стиль, и слог.

Но работать по специальности не случилось, в эпоху реформ потребовалось найти более денежный пост. Он даже стал аспирантом.

Но через три месяца всё бросил – не лежала душа к науке.

- Сначала попал в сапожники, клеил кроссовки. Помните, были такие, очень похожие на настоящие?

Носишь два дня, а потом подошва отвалилась, и всё. Из сапожников ушёл потому, что от ацетона перед глазами звездочки летали.

И мне шепнули, что это сильно на потенцию влияет.

Стал охранником – задержался там, потому что хорошо платили. С высшим образованием и брошенной аспирантурой за плечами.

В коммерческом банке отрубил почти десять лет.

Сутки дежуришь, потом стрельбы и тренировки. Сутки отсыпаешься.

Пришлось и бокс осваивать. А в тридцать лет залезть на ринг тяжело.

Я два года боксировал, чтобы соответствовать запросам своих требовательных работодателей.

Писал на ночных дежурствах. Найду угол, который не «видит» камера наблюдения, похожу, придумаю эпизод и запишу.

Именно в банке я и узнал о том, что мой роман включён в шорт-лист премии.

Меня вызвали на ковёр, а тут позвонил товарищ по мобильному: «Тебя номинируют на премию Букера!»

Я сказал: «Спасибо, перезвоню» – и внимательно дослушал начальника до конца.

Церемония 2005 года оказалась, пожалуй, самой скандальной за всё время существования этой награды.

Хотя, вообще, далеко не все – и литераторы, и искусствоведы – признают российско-букеровскую значимость.

В тогдашнем жюри (а это суперпрофессионалы – поэт Николай Кононов, критики Алла Марченко и Евгений Ермолин, музыкант Владимир Спиваков) «Без пути-следа» назвали «романом-знамением» и «романом-символом».

Лауреатом стал тридцатишестилетний Денис Гуцко, избранный четырьмя голосами против одного – председателя Василия Аксёнова.

Председатель отказался назвать победителя. И открыто упрекнул коллег в непрофессионализме и давлении, поскольку:

- Я не считаю этот роман романом-знамением. И вообще, он мне не понравился. Поэтому я и отказался объявлять имя лауреата.

Слово Денису Гуцко:

- Я смиряюсь с тем, что стал фигурой скандала. Но быть его участником не намерен. Интриги – не моя стихия.

Я считал, что у меня очень маленький шанс на победу. Литература, как женщина: если понимает, что она тебе не нужна, то ничего у тебя с ней не получится.

Премия «Букер» – это не просто признание, но ещё и денежное вознаграждение в размере пятнадцати тысяч долларов.

Признаюсь, что до сих пор самая крупная сумма, которая когда-либо попадала в мой карман, – это гонорар за роман.

Церемония проходила в гостинице «Золотое кольцо». Российские и зарубежные гости. Всё чрезвычайно торжественно.

А потом слово взял Аксёнов. И главное, что я испытал – это, пожалуй, чувство недоумения. Вроде бы привели для чествования, а – ругают!

Вообще, конечно, действие на пресс-конференции несколько диссонировало с фраками, бабочками, музыкой Вивальди, звучавшей в зале...

Родные очень рады за меня. А вот коллеги по цеху – по-разному.

Настоящие мэтры, например, Маканин, Юзефович, без всяких заморочек поздравили, пожали руку.

Наверное, чем весомее талант, тем проще и мудрее его обладатель.

А отношение к Аксёнову не изменится. Если он напишет замечательный роман, я с удовольствием его прочту!

Автор объединил роман «Без пути-следа» и повесть «Там, при реках Вавилона» – и ныне это дилогия «Русскоговорящий».

Это повествование о человеке, который всю жизнь наблюдает распад и хаос.

Распад государства, идеологии, армии, науки, быта, семьи, дружбы.

Мальчик из русской семьи. Сначала жили в Грузии, а потом в России.

И, оказавшись в чужой среде, почувствовали себя в центре вавилонского столпотворения – чудовищного смешения языков и традиций.

Сам Гуцко, к примеру, целую вечность не мог решить с властями проблему гражданства своего сына!

Критика назвала «Русскоговорящего» одним из самых сильных произведений начала тысячелетия.

И действительно, вот – для примера – удивительно красивое описание природы:

- Посреди весны пахло той приторной горечью, которая прячется в осенней палой листве, там, под бурными спинками листьев, – придя на этот запах в парк, нагибаешься, хватаешь пригоршню и, оторвав её, открываешь светлые влажные брюшки, горько пахнущие временем.

Сам Денис Николаевич называет это «книгой неудачника, решившего всё изменить». И соглашается, что да, перемены свершились: состоялся как писатель, вкусил славы, получил премию.

- И поэтому как объект писательства я себе уже неинтересен.

Зато ему очень интересна кубинская сальса, танцует с огромным удовольствием!

- Ростов, чтоб вы знали – столица сальсы в России!

Название следующего романа, «Бета-самец», многие раскритиковали – негоже так именовать русскую литературу. А автор просто захотел рассказать о «вечно вторых»!

- Дело в том, что бета-особь, когда убирают из популяции альфу, никогда не занимает её места – в отличие от особей гамма или эпсилон.

То есть бета остаётся бетой. Герой романа преодолевает эту западню! Через любовь, разумеется, куда без неё?

«Отцы и дети». Удачное название для книги занято ещё в позапрошлом столетии.

Но конфликт вечен, и новым формациям писателей приходится выдумывать новые заглавия для произведений на классическую тему.

И сборник повестей и рассказов Дениса Гуцко получил имя «Большие и маленькие».

Большие и маленькие истории о больших и маленьких людях – взрослых и детях.

И в каждой новелле два параллельно существующих мира неожиданным образом соприкасаются: вроде бы взрослые должны учить детей жизни, однако в рассказах Гуцко часто всё выходит наоборот.

И персонажи-дети действуют куда решительнее.

Иногда кажется, что именно они – большие. А взрослые – лишь маленькие люди. Трагедии – в жизни каждого. Заметные и незаметные. Большие и маленькие.

Не знаешь, что страшнее: когда родители-алкоголики не замечают первое слово своего малыша, или когда никому не нужная девочка убивает папину сожительницу.

Денис Николаевич любит писать рассказы – и трагические тоже. Считает рассказ удивительным жанром!

И читает потому курс по написанию коротких текстов для донских магистрантов – любой небольшой материал должен быть ярким и насыщенным.

И уверен Денис Николаевич, что авторы должны иметь возможность зарабатывать делом, к литературе близким, – вот именно преподавательской работой.

А не разрываться между творчеством и какой-нибудь офисной рутинной:

- Несколько лет назад прочёл у Михаила Шишкина: «Год прошёл неплохо: я немножко работал и много писал». Формула врезалась в память.

Мечта! Именно так и следует жить писателю.

Денис Гуцко – участник нескольких Форумов молодых писателей России, стипендиат Министерства культуры РФ.

А наград много, не только «Букер». Премии имени Михаила Шолохова и Бориса Соколова. Международная премия «Куликово Поле», премия Благотворительного Резервного Фонда «Вдохнуть Париж».

Сегодня имя ростовского писателя можно встретить на страницах почти всех отечественных журналов: «Знамя», «Октябрь», «Волга», конечно же, «Дон». А на «Букер» выдвигала его «Дружба народов».

И ещё он – постоянный автор «Огонька», интересный журналист:

- Журналистика работе очень помогает, ставит мозги на место. Помогает разобраться в том, как устроен мир не в абстрактных моделях, а на конкретной улице.

В журналистике я просто искал свою среду. И я её нашёл.

Когда-то руководил «Огоньком» другой наш известный земляк – Анатолий Софронов. Это он создал знаменитую огоньковскую библиотеку.

А сам журнал был тогда домашней Третьяковкой: на развороте, из номера в номер, – полотна великих художников с сопутствующей статьёй.

Софронову нелегко пришлось в перестройку – критиковал даже ленивый.

О творчестве Анатолия Владимировича рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Ростов-город, Ростов-Дон».

А взросление Гуцко пришлось на развал Союза. Что тоже очень нелегко.

- Я вырослел в Тбилиси, служил в армии на Кавказе, видел, как разгорался азербайджано-армянский конфликт, приехал в Россию и ощутил себя чужаком.

Мой дед приехал в Грузию в четырнадцать лет, остался там после того, как раскулачили его семью.

Я прожил в Грузии до семнадцати лет, окончил школу и уехал в Ростов-на-Дону.

И первое ощущение от России было, что это однозначно чужая страна.

Перемена культурного национального пространства – всегда второе рождение.

Ты должен сам себя родить, сотворить заново.

Не все находят в себе силы и желание менять шкуру. Но у каждого, кто всё-таки решился на второе рождение, свой путь.

Я, например, пытаюсь осмыслить всё, что со мной происходило в процессе обретения новой родины по имени Россия, стал писать.

Нельзя переселиться и остаться прежним.

Мы принадлежим к той или иной культуре, уже когда учимся говорить «мама».

Я, безусловно, чувствую себя русским человеком.

Русские, жившие в Грузии во времена СССР, ни в коей мере не утрачивали свое национальное, впитывая другую – вторую – культуру.

Никто не покушался на наше русское начало.

А сейчас русские, живущие в Грузии, безвозвратно расстаются со своей национальностью.

Прервана связь с Россией – и материальная, и духовная.

Русские, после распада Союза оставшиеся в бывших союзных республиках, вынуждены вытравлять в себе всё исконное, как вытравляют порочащие татуировки.

В Грузии люди меняют фамилии, их дети уже коряво говорят по-русски.

Не знаю, кому как, а мне жаль, что так происходит...

Меня не пугает, когда мои соседки ходят в хиджабе. Но настораживает, что они не говорят по-русски.

Живя в стране, в России ли, в Грузии, ты обязан знать её язык, соблюдать законы, понимать обычаи.

Если ты здесь, значит, тебе здесь хорошо – тогда где твоё уважение к людям, которые построили всё, что вокруг тебя?

Бывает, правда, что эти вполне законные требования общества превращаются в гротеск, как в сегодняшней Прибалтике с её разделением на «граждан» и «неграждан».

Помню, когда начались белые ленточки, я выступал на митингах, вошёл в региональный общественный совет Болотной площади – не помню точно, как этот орган назывался.

В регионах были организованы штабы, но чем конкретно предстояло заниматься, никто объяснить не смог.

Сходил пару раз. Но протест ради протеста – нечто странное.

Политика оппозиционных сил и должна быть борьбой за мещанина.

И слова, даже самые умные, тут не помогут.

Денис Николаевич живёт в Донской столице. Супруга работает в банке, сын – учится.

В Грузии у семьи Гуцко ныне никого не осталось.

- Но осталась учительница литературы, которой я обязан тем, что сейчас получил «Букера».

Я был у неё любимчиком, и она заставляла меня писать сочинения, в то время как все читали вслух.

А начинали мы с того, что я постоянно стоял в углу. Я был хулиган. Плевался на уроках, из рогатки стрелял.

А потом она показала мне, что есть русская литература.

И это меня так увлекло, что закончилось (или ещё не закончилось?), – словом, привело меня к «Букеру».

Я так зачитывался, что бежал с уроков домой, если там ждала книга.

Если хоть один человек так побежит к моей книге, я буду считать, что сделал своё дело!

*

СЛОВАРЬ:

Адюльтер – супружеская неверность.

Андеграунд – творческое направление в современном искусстве в противоположность официальному.

Баптизм – христианское религиозное течение.

Бек Татьяна Александровна – советская писательница.

ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).

Гульффик – деталь одежды, клапан в передней части брюк.

Диссидент – человек, отстаивающий взгляды, противоречащие общепринятым.

Жак Вениамин Константинович – известный советский поэт и переводчик.

«Заозёрная школа» поэзии – творческое андеграундное поэтическое объединение поэтов Юга России.

Камю Альбер – французский писатель и философ первой половины XX века, Нобелевский лауреат.

Кандель Эдуард Израилевич – знаменитый нейрохирург, доктор медицинских наук, лауреат Госпремии СССР

Колосов Михаил Макарович – советский писатель и журналист.

Комкор – командир корпуса.

Культорг – культурный организатор.

Ликбез – программа первых лет Советской власти по ликвидации безграмотности населения.

«Лука Мудищев» – анонимная поэма второй половины XIX века с ненормативной лексикой.

Панург – персонаж сатирического романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», коварный плут.

Продком – продовольственный комитет.

Сальса – классический клубный латиноамериканский танец.

Сартр Жан-Поль – французский писатель и философ первой половины XX века, Нобелевский лауреат.

Ретирада – отступление.

Собкор – собственный корреспондент.

Фальстарт – неправильно взятый старт.

Шишкин Михаил Павлович – российский писатель, Букеровский лауреат.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Атаров Н. Дальняя дорога: Литературный портрет В. Овечкина. – М.: Советский писатель, 1977.

Бек Т. Леонид Григорьян. Вниз по реке. // Знамя. – 1998. – № 11. – С. 21.

Бек Т. Рецензия на книгу «Пенаты». // Звезда. – 1979. – № 7. – С. 26.

Бондаренко И. Дело Григорьяна. // Ростов неофициальный 1980-1990. – 2010. – 11 июня. – С. 14.

Бражкина А. Главный ростовский вольнодумец. // Ростов неофициальный 1980-1990. – 2009. – 10 сентября. – С. 14.

Бровкина М., Басинский П. Один в премиальном поле. // Российская газета. – 2005. – 3 декабря. – С. 11.

Воспоминания о Валентине Овечкине. – М.: Советский писатель, 1982.

Григорьян Л. Друг. – М.: Молодая гвардия, 1973.

Григорьян Л. Одиннадцатая заповедь. – Таганрог: Центр развития личности, 2008.

Григорьян Л. Перо. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1968.

Гуцко Д. Большие и маленькие. – М.: РИПОЛ-Классик, 2017.

Гуцко Д. Русскоговорящий. – М.: Вагриус, 2005.

Калинин А. Пахарь и солдат. // Дон. – 1971. – № 10. – С. 181.

Калмыков В. 50 самых ярких дебютов в прозе начала третьего тысячелетия. // Литературная Россия. – 2005. – 25 марта. – С. 14.

Крюкова Н. Жил по правде. // Правда. – 1999. – 22-23 июня. – С.4.

Молчанов В. Дорогие страницы памяти. // Наш современник. – 2004. – № 6. – С. 187.

Овечкин В. Сочинения в 3 т. – М.: Художественная литература, 1989.

Огнева Н. Рыцарь духовной свободы. // Ковчег. – 2010. – №1. – С. 4.

Посиделов В. Музыка слов Дениса Гуцко. // Ростов официальный. – 2005. – 27 декабря. – С. 22.

Рыльцов С. Идальго и крошка Цахес. // Ковчег. – 2005. – 27 декабря. – С. 23.

Секретов С. Взрослые будни. // Урал. – 2018. – № 2. – С. 16.

Твардовский А. Памяти Валентина Овечкина. // Новый мир. – 1968. – № 1. – С. 285.

Троепольский Г. О Валентине Овечкине. // Новый мир. – 1968. – № 9. – С. 33.

Человек отсебятин. // Молот. – 2015. – № 1-2. – 13 января.

Чупринин С. Неубывающий свет. – Ереван: Кн. изд-во, 1988.

Чупринин С. Рецензия на книгу Л. Григорьяна «Дневник». // Звезда. – 1976. – № 3. – С. 36.

ВикиЧтение [Электронный ресурс]: [сайт]: Денис Гуцко / Сергей Иванович Чупринин. – Режим доступа: <https://info.wikireading.ru/242222>. – Загл. с экрана.

Всемирная энциклопедия [Электронный ресурс]: [сайт]: Овечкин Валентин Владимирович. – Режим доступа:

https://w.histrf.ru/articles/article/show/oviechkin_valientin_vladimirovich. – Загл. с экрана.

Зарубежные задворки [Электронный ресурс]: [сайт]: Олег Якубицкий о Григорьяне. – Режим доступа:

http://old.za-za.net/old-index.php?index.php&menu=authors&&country=nomer&&author=nomer09_01_10&&werk=008. – Загл. с экрана.

Захар Прилепин [Электронный ресурс]: [сайт]: Денис Гуцко. Все, что бессмертельно – скучно. – 2019. – Режим доступа:

<http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/denis-gutsko-vse-chno-nesmertelno-skuchno.html>. – Загл. с экрана.

Искра Юга [Электронный ресурс]: [сайт]: Мы оканчивали школу теми, за которых уже подумали Толстой и Достоевский / Денис Гуцко. – 2001-2019. – Режим доступа:

<https://iskra.yuga.ru/nomination/2015/interview/?id=1995>. – Загл. с экрана.

Кино-театр.ру [Электронный ресурс]: [сайт]: Говори...: Пьеса Александра Буравского по мотивам очерков «Районные будни» и страницам биографии писателя Валентина Овечкина. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/movie/81293/annot/>. – Загл. с экрана.

Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс]: [сайт]: Неуправляемый Валентин Овечкин. – Режим доступа: <http://old-kursk.ru/book/lagutich/hronica/hron070.html>. – Загл. с экрана.

Литературный Армавир [Электронный ресурс]: [сайт]: Овечкин Валентин Владимирович. – Режим доступа:

http://litarmavir.my1.ru/index/ovechkin_valentin_vladimirovich/0-31. – Загл. с экрана.

Литературная Россия [Электронный ресурс]: [сайт]: Протест ради протеста – нечто странное (интервью) / Денис Гуцко. – Режим доступа:

<https://litrossia.ru/item/9823-denis-gutsko-protest-radi-protesta-nechto-strannoe-intervyu/>. – Загл. с экрана.

Наша среда [Электронный ресурс]: [сайт]: Леонид Григорьян. – 2019. – Режим доступа:

<http://nashasreda.ru/leonid-grigoryan/>. – Загл. с экрана.

Российская газета [Электронный ресурс]: [сайт]: Один в премиальном поле: «Букера» присудили вопреки мнению председателя жюри Василия Аксёнова. – 1998-2019. – Режим доступа:

<https://rg.ru/2005/12/03/gutsko.html>. – Загл. с экрана.

Российская газета [Электронный ресурс]: [сайт]: Путь и след: Букеровский лауреат Денис Гуцко об опыте межнационального общения. – 1998-2019. – Режим доступа: <https://rg.ru/2006/01/19/gucko.html>. – Загл. с экрана.

Ростов-город, Ростов-Дон! [Электронный ресурс]: [сайт]: Леонид Григорьян. – Режим доступа: <http://xn--b1acd1bacakffl.xn--p1ai/16-iskusstvo/2463-grigoryan-l-g>. – Загл. с экрана.

Ростов неофициальный: общественный архив [Электронный ресурс]: [сайт]: Леонид Григорьян. – Режим доступа:

<https://web.archive.org/web/20160308222931/http://anr.su/literatura/grigorjan/00.html>. – Загл. с экрана.

Ростовский словарь [Электронный ресурс]: [сайт]: Леонид Григорьян. Дом. – Режим доступа:

<http://www.anr.su/literatura/grigorjan/monologi.html>. – Загл. с экрана.

45 параллель [Электронный ресурс]: [сайт]: Протри стихи, как стёкла на окне! Леонид Григорьян. – 1990-2001, 2006-2019. – Режим доступа:

https://45parallel.net/leonid_grigoryan/. – Загл. с экрана.

Труд [Электронный ресурс]: [сайт]: Денис Гуцко: «Букер» – самая большая неожиданность в моей жизни. – 2010-2019. – Режим доступа:

http://www.trud.ru/article/08-12-2005/97802_denis_gutsko_buker--samaja_bolshaja_neozhidannost_.html. – Загл. с экрана.

Форматор [Электронный ресурс]: [сайт]: За что я люблю Валентина Овечкина? / Юлия Кононова (Амаги). – Режим доступа:

<http://formator.info/articlepage?id=20962>. – Загл. с экрана.

Хронос: биографический указатель [Электронный ресурс]: [сайт]: Валентин Владимирович Овечкин. – Режим доступа:

http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/ovechkin.php. – Загл. с экрана.

Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]: [сайт]: Овечкин, Валентин Владимирович. – Режим доступа:

https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/OVECHKIN_VALENTIN_VLADIMIROVICH.html. – Загл. с экрана.

Livejournal [Электронный ресурс]: [сайт]: Поэт Леонид Григорьян. – Режим доступа:

<https://snatala.livejournal.com/58952.html>. – Загл. с экрана.

Livejournal [Электронный ресурс]: [сайт]: Рабочие материалы для биографии Леонида Григорьяна. – Режим доступа: <https://rostov-80-90.livejournal.com/260925.html#cutid1>. – Загл. с экрана.

PROSŌDIA [Электронный ресурс]: [сайт]: Золотой двадцатый век Леонида Григорьяна / Владимир Козлов. – 30.08.2015. – Режим доступа:

<https://prosodia.sfedu.ru/?p=1101>. – Загл. с экрана.

ThankYou [Электронный ресурс]: [сайт]: Денис Гуцко. – 2010 – 2019. – Режим доступа:

http://thankyou.ru/lib/realism/denis_gucko. – Загл. с экрана.

VIP [Электронный ресурс]: [сайт]: Хочешь жить – броском вперед! Слово об отце / Валерий Овечкин. – Режим доступа:

<http://www.vipvkurske.com/articles/1220/>. – Загл. с экрана.

*

Книга «Пока перо торопится в руке...» рассказывает о жизни и творчестве известных донских литераторов – Валентина Владимировича Овечкина, Леонида Григорьевича Григорьяна и Дениса Николаевича Гуцко.